

Елизавета Соболянская

ЭДЕЛЬВЕЙС
ДЛЯ ЗЕМЛЯНКИ

18+

#КОСМИЧЕСКИЙ МЖМ

Елизавета Соболянская Эдельвейс для землянки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70999288

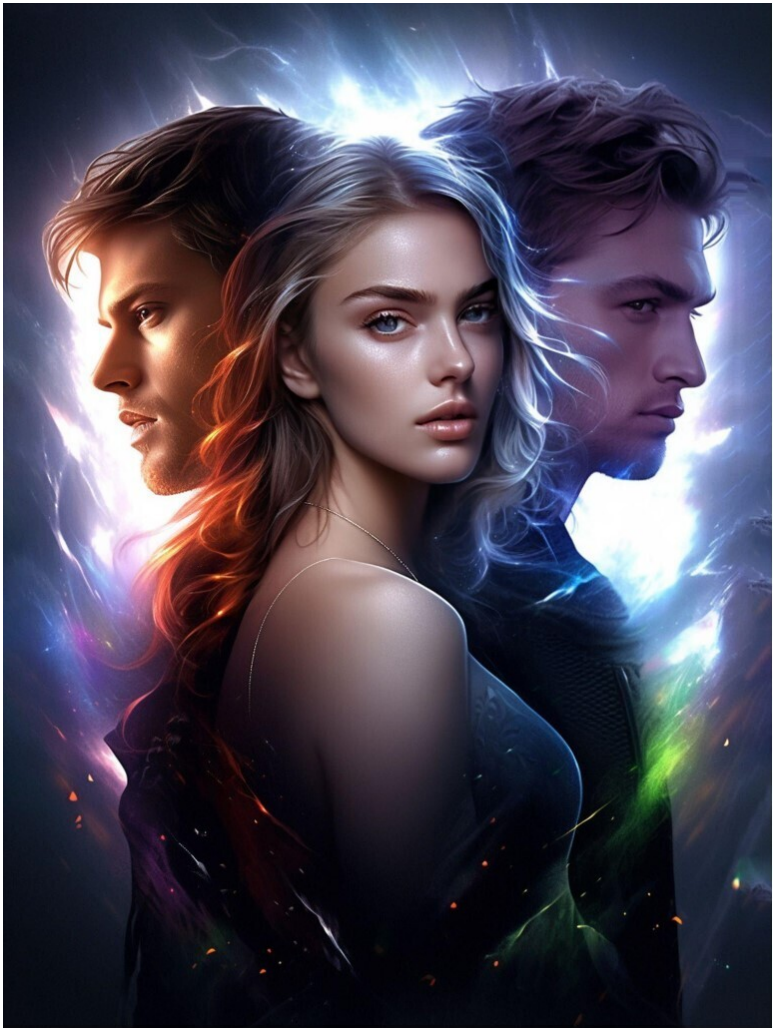
Аннотация

Она – космобиолог, он – пилот. Она пропадает в лаборатории, он водит круизный лайнер. Но оба мечтают быть вместе, ловя моменты счастья в отпуске и пересменках. Однажды в их жизнь врывается инопланетянин-симбионт. Смогут ли молодожены сохранить семью или между ними навсегда встанет космос?

Содержание

Герои	7
Глава 1	15
Глава 2	21
Глава 3	24
Глава 4	31
Глава 5	34
Глава 6	38
Глава 7	44
Глава 8	50
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Елизавета Соболянская Эдельвейс для землянки

Герои

**Жеар Агродан Жериарэн Агродэриэн Аллонэ
Иттэ – инопланетянин, глава исследовательского центра космобиозологии.**

Агата Сапега – космобиолог. Девочка из простой семьи, достигшая всего усидчивостью и талантом.

Максимус Теофраст – высокий брюнет с широкими плечами, пилот из династии.

Синклер Роу. Капитан станции «Эдельвейс»

Глава 1

Мы с Максом познакомились в Космической Академии. Пилоты и космозоологи живут и учатся в разных корпусах, практически никогда не пересекаются на лекциях и в жизни. Но есть же еще вечеринки! К третьему курсу я перестала бояться учебы, выкрасила волосы в малиновый цвет и зажигала на танцполе в коротком блестящем платье, не обращая внимания на капающие со всех сторон слюни.

О, да! Потому что на моей шее висел марсианский уж, притворяясь украшением. Икки был ментальным симбионтом, способным вырубить любого нахала, протягивающего ко мне руки. Я приручила его на практике и очень собой гордилась.

Мы с подругой уже собирались уходить, когда в зал вошли пилоты. Третий курс, красавцы в белых мундирах, покрытые легким космическим загаром. Парни вернулись с первой практики, получили первые нашивки и теперь с небрежной грацией появились на вечеринке, чтобы отметить возвращение.

Девчонки вокруг завизжали, выпрыгивая из трусиков. Многие из нас знали, что пилоты – это лучший генофонд. Умный, красивый и сильный ребенок – мечта каждой девчонки из «вспомогательных специальностей». А студенты, хоть и нищие, зато перспективны и здоровы, не успели по-

вредить гены в боях и полетах.

Именно на третьем курсе все, планирующие работать в космосе, сдавали в специальный банк свой генетический материал. Позднее заполучить его для рождения малыша было очень-очень сложно. А тут бери парня тепленьким, беременей, рожай, получая пособие от государства и тихую работу в структуре космопорта. Бонусом шла возможность для малыша учиться в КА. Один генетический анализ сразу выявлял отца-пилота, и даже девочка получала право на льготное поступление. Впрочем, об этом мало кто думал, когда парни, сияя белозубыми улыбками, входили в зал и присоединялись к танцующим.

Я же на пилотов практически не смотрела. Я любила свою будущую профессию, мечтала изучать животных и растения дальних планет и не собиралась уходить в декретный отпуск в двадцать лет. Поэтому просто веселилась, танцевала, сбрасывая стресс после практики, и собиралась вот-вот уйти.

Марсия, подруга, с которой мы жили в одной комнате, мое мнение не разделяла. Она поступила в КА по традиции, но работать по профессии не собиралась. Ее вполне устраивали земные животные, но честь семьи и бла-бла-бла. В общем, училась она кое-как, планируя получить направление в земной зоопарк и заниматься исследованиями, каждый вечер возвращаясь в уютную квартиру родителей или, если повезет – мужа. Вот и сейчас очаровательная и смешливая блондинка стреляла глазами в круг пилотов. Я отвернулась,

мысленно пожелав ей удачи, и двинулась к бару.

С выпивкой на студенческих вечеринках плохо – пиво, сидр, иногда жуткая смесь самой дешевой водки и синтетических сиропов в пробирках или колбах. Я на эту блестящую гадость даже смотреть не могла – взяла бутылочку минералки, присела в углу и погладила Икки пальцем. Симбионт любил внимание. Считалось, что эти странные змейки помогают людям сохранять спокойствие в трудных ситуациях, поэтому ими старались обзавестись врачи, спасатели, психологи и в редких случаях – космозоологи.

– Интересная зверюшка, – пилот присел рядом, но слегка на расстоянии, давая возможность отказаться от разговора.

Это было необычно. Пилоты, как и десантники – парни нахрапистые, знают, что им везде рады. Я снова коснулась Икки пальцами:

– Не редкая, но действительно интересная, – сказала ровно, поддерживая разговор.

– Максимус Теофраст, – улыбнувшись глазами, пилот протянул мне ладонь.

Вот эта безмолвная улыбка меня и подкупила:

– Агата Сапега, – ответила я, улыбаясь.

– Медик?

– Космозоолог, – я чуть-чуть напряглась. Если парень выскажет пренебрежение к моей профессии – сразу уйду!

Однако Макс только улыбнулся:

– Держу пари, вы недавно вернулись из джунглей Латины.

– Как ты догадался?

– Мама возила туда третьекурсников на прошлой неделе.

– Так Фелиция Теофраст твоя мама? – я на секунду зависла. Наша преподавательница – ослепительно красивая женщина, способная ударом кулака свалить малого танзанийского виверна. Мы все благоговели на ее занятиях, потому что они проходили в зверинце при академии или «в поле» – в заповеднике какой-нибудь обжитой планеты.

– Это ничего не меняет, – усмехнулся пилот и пригласил меня на танец, во время которого Икки переполз на его плечо. Тогда я еще не знала, что таким образом мой симбионт подсказывал мне нашу идеальную совместимость – психическую и генетическую.

Еще три года мы встречались по выходным и на каникулах. Умудрялись синхронизировать графики практик и отчетов, сдавали все заранее и улетали в тихий уголок только вдвоем. У меня не было таких возможностей, как у Макса, моя семья была простой, мама – учитель в школе, отец – мастер по обслуживанию жилых капсул, но Теофраст умел быть деликатным и никогда не подчеркивал разницу в наших социальных статусах. Наверное, именно это убедило меня в том, что мы сумеем быть вместе и после учебы.

На последнем курсе Макс сделал мне предложение. Вообще, в Космической Академии не поощрялись браки. Исключение составляли браки для рождения ребенка, но и они не считались обязательными. В космической службе браки, на-

оборот – поощрялись, считалось, что наличие супружеских пар благотворно влияет на атмосферу в коллективе. Но были нюансы.

После получения дипломов нас ждало распределение. И преподаватели предпочитали распределять свободных студентов. Ну не могли они отправить на один корабль пилота из элитной семьи и девочку-космозоолога, еще ничем не доказавшую свою необходимость в науке.

Макса ждала должность младшего помощника пилота на крупном круизном лайнере, а меня – ставка лаборанта в отдаленном исследовательском центре на астероиде. Три года обязательной отработки и только потом возможность заключить контракт самостоятельно.

Лазейка была узкой, как игольное ушко. В день получения диплома вместо вечеринки мы отправились в ближайший пункт регистрации брака и, показав дипломы, заключили полноценный брак, без ограничений. А потом предъявили свидетельство о браке ректору.

Скандал был... громким. Возмущенно пыхтел секретарь, матерно высказывался декан пилотов, тяжеловесно молчал ректор. Прервала это веселье Фелиция Теофраст. Она вошла в кабинет, фыркнула и сказала:

– Чего ополчились на девочку, старичье? У Макса своя голова на плечах! Если решил жениться, значит, готов нести ответственность. Отправляйте его, куда там собирались, а за девочкой я пригляжу!

Вот так я стала аспирантом при Космической Академии, а Макс улетел с лайнером. Его мама отнеслась ко мне добродушно и с пониманием. Не требовала переезда в их роскошный дом, никак не комментировала мою работу и учебу. Просто здоровалась, улыбалась при встрече и разговаривала о Максе.

Поначалу я дичилась, тосковала, но мне нравилась моя профессия, а у леди Теофраст было чему поучиться, так что я быстро взялась за научную работу и только вечерами, падая на узкую койку в общежитии, скучала по Максусу.

Но потом – с подачи Фелиции – меня стали привлекать к интересным проектам, и я, забыв тоску, с головой ушла в науку.

Глава 2

Через полгода Макс приехал в отпуск, и мы «зажгли» в номере отеля, не выбираясь из кровати двое суток. Тогда он впервые предложил мне выносить малыша. Аргументы были железными – я «на берегу» в аспирантуре при Академии, он еще не словил большую дозу радиации, но уже получает приличную зарплату, как второй пилот. Мы здоровы, молоды, и это лучшее время стать родителями, вот только...

– Макс, – я лежала на его плече, рисуя кончиком пальца узоры на широкой груди, – я не хочу бросать науку. Ты же знаешь, что для написания кандидатской мне выделяют время на одной из биокосмических станций... Это шанс сделать что-то важное!

– Агата, – Максимум погладил меня по голове и вздохнул, – я понимаю, но потом с детьми будет еще сложнее...

Я упорно рассматривала его белую кожу.

Я бы, наверное, поддалась на уговоры, распахнула любимому объятия, а через месяц, когда он ушел бы в следующий рейс, рыдая, обнималась бы с унитазом в одиночестве.

Через полгода Макс снова бы появился – когда беременность достигнет стадии «красивый круглый животик, уже не токсикоз, еще не рожать», а потом снова бы ушел в рейс. Вернулся – а его ждут жена и ребенок. Уехал. Приехал. Ребенок подрос, жена чудом не сошла с ума...

И так еще лет десять, пока ребенка не получится сдать в еженедельную школу при КосмоАкадемии. В течение этих десяти лет Макс будет получать повышения и с каждого нового звания просить у меня еще одного малыша. В итоге я вырвусь в науку не раньше сорока лет, и к тому времени я готова буду изучать помет варлоков, только бы не изучать содержимое памперсов.

Откуда я все это знала? Умела собирать информацию. Люди – те же животные или растения, только с более сложным социальным поведением. К тому же мне очень повезло со свекровью – Фелиция Теофраст однажды пригласила меня выпить и рассказала, как ей удалось вырваться из круговорота кормления, смены подгузников и прикормов.

Ей помогла ее мать. Она приехала однажды, увидела беременную дочь с годовалым малышом на руках, задумчиво стоящую у окна, и осталась. Больше того – велела Фелиции возвращаться на работу, взяв на себя всю заботу о малышах. Чего ей это стоило, Фелиция мне не рассказала, но я понимаю, что вырастить пятерых сыновей даже от мужа-адмирала – нелегкий труд. А уж сделать при этом карьеру полевого космобиолога, а потом академического космозоолога...

В общем, я молчала, а Макс не стал настаивать. Подозреваю, моя свекровь постаралась донести до него мысль о том, что мне необходимо закончить учебу, написать диссертацию, а уж потом думать о детях. Мой пилот не сразу, но смирился. Во всяком случае, в этот свой приезд он больше о детях не

говорил. А следующий его отпуск – через полгода, совпал с моим назначением на космическую станцию «Эдельвейс».

Я прыгала до потолка, радуясь невероятной удаче. Для ясности объясню – земной союз проводил исследования и на планетах, открытых рейдерами, и в космосе. Всего космических станций было великое множество – на орбите каждой планеты крутилось минимум три-четыре автоматических модуля, на которые люди или инопланетяне заглядывали раз в сезон – проверить автоматику, сменить дежурных техников или подвезти им пайки и новости. Но биологических исследовательских станций было всего пять. Три из них полностью принадлежали Земному союзу, включающему в себя планеты, населенные исключительно людьми. А две считались «смешанными». То есть в их постройке, функционировании, обслуживании принимали участие инопланетяне. Причем не всегда это были гуманоиды. Станция «Кракен», например, управлялась разумными осьминогами планеты Океан.

Любой земной биолог или зоолог счел бы невероятной удачей попасть на практику даже на земную станцию, а уж на инопланетную!.. Не знаю, на какие кнопки нажала Фелиция Теофраст, но я получила грант на исследования и допуск на инопланетную станцию «Эдельвейс» – более комфортную для землян. В «Кракене» восемьдесят процентов площади занимали аквариумы, комфортные для осьминогов.

Глава 3

Радостно попрыгав, я принялась паковать научные материалы. Конечно, в космическую эпоху видов носителей были десятки – от микрофлешек объемом в сотню гигабайт до солидных лазерных дисков, в которые можно не глядя запихнуть всю информацию по научным разработкам целого института. Но я по детской привычке пользовалась бумажными ежедневниками, лабораторными журналами и блокнотами для заметок. Макс над этим посмеивался, а мне работа с листом неvirtуальной бумаги помогала сосредоточиться и правильно сформулировать мысли.

Я уложила два кофра бумаг и носителей, третий оставила для одежды и необходимых мелочей. Не знаю, как там будет на станции с магазинами, но на всякий случай я взяла полный набор уходовых средств, пять универсальных комби, запас белья и смену обуви. Лабораторную одежду должны предоставлять на месте, но пару привычных комплектов я все равно упаковала.

Макс понаблюдал за моими сборами и спросил:

– А платье? Туфли? Все эти блестящие женские штучки?

– Макс, – снисходительно улыбнулась я, – я еду на практику! На космическую станцию! Полгода работы в уникальной лаборатории!

– Вот именно! Целых полгода! Впереди Новый год! Ты

собираешься встречать его в комби?

– Я взяла с собой розовый в стразиках, – хихикнула я. – Думаю, светящиеся бактерии оценят.

– Жещина! – возопил мой пилот. – Да я сторю от стыда, если ты не сразишь каждого заучку, который появится на твоём пути!

– Максимус Теофраст, – серьезно сказала я, – у меня ограничение по весу багажа. А платье и туфли...

– Мы немедля отправляемся в магазин!

Чарующе улыбаясь, Макс потащил меня в торговый центр. Я была в растерянности – до этого дня мой муж никак не комментировал мои наряды, да и вообще был всегда доволен тем, как я выгляжу. Впрочем, в те короткие недели, которые он проводил «на тверди», я как раз успевала ему показать покупки за предыдущие полгода, так что для него я всегда была мила, свежа и интересна.

Мы прогулялись по бутикам, выбрали мне интересное платье, сшитое как будто из тысяч сцепившихся между собой снежинок. Продавец вещал что-то про новые технологии, уникальные разработки и прочее – мне было все равно! Я надела платье и не хотела его снимать. Несмотря на внешнюю холодность и колючесть, внутри это платье было мягким, уютным и практически невесомым. Заметив мой восторг, продавец принес туфли с отделкой из таких же снежинок, белье, чулки и – чудо из чудес – восхитительный гребень с таким же узором!

– Ты похожа на снежную фею из сказки, – Макс задумчиво посмотрел на меня в зеркало и поцеловал в обнаженное плечо.

Мы купили весь комплект, а потом я вдруг ощутила себя бесконечно усталой, и мы вернулись домой, заказав по дороге салат, пиццу и целое ведро разноцветных шариков мороженого с сюрпризами внутри. Разламываешь ложечкой шарик и никогда не угадаешь, какая там будет начинка!

Остаток дня мы провели в постели – ели, смотрели старые фильмы, мазали друг друга мороженым и занимались любовью. Максимус пару раз порывался снять защиту, я хмурилась и напоминала, что беременную меня на станцию не пустят – слишком велик риск потерять ребенка! Он вздыхал и смирялся. Я же радовалась тому, что сделала укол, снимающий эту заботу на месяц. Макс улетит, я отправлюсь на практику, а перед следующим свиданием снова сделаю укол. Во избежание. Не хочу быть домашней «курочкой», как называют пилоты жен и подружек, ждущих их на тверди.

Утром я отправилась в Академию – улаживать формальности, получать документы сопровождения и ставить прививки. Возле канцелярии меня перехватила Фелиция Теофраст:

– Привет, дорогая, – она улыбнулась мне и утянула к окну, – ты слышала последние новости?

– О чем? – как всегда, занявшись делами, я погрузилась в себя, не обращая внимания на окружающих.

– Макс попросился в пилотную группу станции «Эдельвейс»! – огорошила меня свекровь.

– Что? – я не поверила своим ушам.

– Он прервал службу на круизном лайнере «Академик Чагаев» и подал прошение на перевод, – повторила Фелиция.

– Почему? – я наверняка выглядела глупо, но у меня в голове не укладывалось то, что Макс решил прервать свою карьеру в пассажирском флоте ради пилотирования станции! Оно ведь осуществляется в основном в автоматическом режиме! Станции дрейфуют на орбитах планет или крупных планетоидов, лишь изредка включая маршевые двигатели для коррекции курса или стыковки с ремонтным доком. Никаких особенных навыков или мастерства для управления этими малоподвижными махинами не нужно!

Фелиция вздохнула и призналась:

– Алфея, моя дочь, вышла замуж... Максимус нервничает.

Я взяла под контроль выражение своего лица и честно призналась:

– Ничего не поняла! Фелиция, может, присядем, и вы мне все объясните?

Свекровь не стала кочевряжиться – мы завернули к ближайшему вагончику с кофе и пирожными, сели за металлический стол под разноцветный зонт, и, взяв стаканчик с напитком, я приготовилась слушать.

Оказалось, занимаясь написанием диссертации, я упусти-

ла кое-что важное в семействе своего мужа. Помимо братьев у Максимуса была сестра! Я про нее слышала мельком, потому что мужем ее был, конечно, пилот, только служил он далеко, у границ системы, а его жена не стала ждать его на Земле, а умчалась на одну из научных станций – писать свою собственную докторскую диссертацию.

Тут Фелиция прервалась и выпила кофе, а я поняла, что эта самая Алфея меня старше, а значит, старше и Макса.

– В общем, пока ее Анджей мотался по окраинам, Аля собирала материал и... влюбилась в одного из сотрудников станции, развелась с мужем и вышла замуж снова.

Я поперхнулась кофе.

– Все в один день, – хмыкнула Фелиция, доставая тонкие дамские сигареты. – Нас она уведомила по факту. Муж расстроился, Анджей ему нравился. А Макс... Он дружил с Анджеем, очень любит сестру и, боюсь, спроецировал ситуацию...

– Он решил, что я сделаю так же?

– Он испугался, – мягко сказала Фелиция. – Мужчины никогда не признаются в своих страхах, но... Он ведь просил тебя завести ребенка?

– Просил, – призналась я, – даже пытался защиту снять потихоньку.

Вспомнив об этом, я поморщилась. Мужа я любила и отдавалась ему со всей накопившейся в разлуке страстью. Если бы не укол – у него могло бы получиться.

– Анджей ему звонил, наговорил разного, – вздохнула све-
кровь, – в том числе предположил, что если бы Алфея ждала
его на Земле и с детьми, они бы не развелись.

Я недоверчиво подняла брови. С той поры, как законо-
дательство планеты адаптировали к различным жизненным
ситуациям, развестись или заключить брак можно даже в го-
лосовом режиме! Что-то типа мусульманского «развожусь»,
сказанного трижды, точнее, формулировка там другая, но
дело простейшее. Более сложные церемонии устраивают, ко-
гда нужна официальная бумага или хотят отметить свадьбу
красиво. А так... терминал со сканером отпечатков, выход
в общегалактическую базу и пять минут на подтверждения
и пароли. И я не верю, что женщину с характером моей све-
крови остановили бы дети или родственники.

– Я-то понимаю, что это не так, – Фелиция грустно отпи-
ла остывший кофе, – Аля не меняет принятых решений. Но
Анджей уверен в этом и сумел убедить Макса. Мне жаль,
что эта ситуация принесла перемены в вашу жизнь. Прошу
только – отнесись к страху моего сына снисходительно. Он
тебя действительно любит и боится потерять.

Я задумчиво посмотрела на клумбу с цветами и спросила:

– Почему Максимус ничего мне не сказал?

– Все тот же страх, – хмыкнула Фелиция и махнула рукой
парню в фартуке, чтобы он принес еще кофе. – Мужчины
боятся показаться слабыми, особенно перед любимой жен-
щиной.

Я вздохнула и заказала еще кофе.

Глава 4

Бежать по делам расхотелось. Мы еще немного посидели, обсуждая мою грядущую научную работу, Фелиция подсказала мне интересное направление, и я наконец ушла и до конца дня пробегала с допусками, разрешениями и даже с прививками – оказывается, допуск на станцию включает в себя обязательную вакцинацию от космической лихорадки трех типов, пробу на иномиренные аллергены, установку чипа-контроллера и еще десяток медицинских манипуляций с подробным занесением результатов в мое личное дело.

В общем, когда я вернулась в свою комнату в общежитии Академии, я хотела только одного – упасть и уснуть. Максимус, кажется, тоже. Заметив у него на руке ровный ряд точек-проб, я поняла, чем он занимался целый день. Правда, этот хитрец до моего прихода успел заказать ужин и принять душ, поэтому выглядел посвежее. Но я сразу сказала, что очень устала и хочу тихий вечер у визора. Это моего пилота очень обрадовало. Мы съели плотный ужин, и я ни словом не возразила – после кофе с Фелицией мне не удалось урвать ни крошки! Потом включили виды природы других планет и уснули под мягкий голос диктора.

Утром Макс вскочил и убежал раньше меня. А вот я позволила себе понежиться в постели еще полчаса. Потом встала, оделась и двинулась в административный корпус.

Как я и думала, волокита с бумагами продолжилась, но никаких особых препятствий не возникло, и в конце дня мне выдали билеты на шаттл, карточку с «командировочными». Правда, быстроглазая бухгалтер предупредила, что это просто аспирантская зарплата за полгода, и посоветовала тратить осторожно, чтобы не остаться на мели к концу практики. Я в ответ только вздохнула – по опыту наших коротких практических полетов я знала, что на таких станциях не хватает самых простых вещей – сладостей, женских гигиенических принадлежностей, белья, каких-то мелочей, делающих жизнь лучше. Придется потратиться, если я не хочу уже через месяц взвыть от безнадёги и усталости.

Первым делом я закупила витамины и вкусности. Нет, не шоколад – он входит в десантные и пилотские «пайки», поэтому его на станции можно достать. Как и спиртное, шоколад, кофе и сигареты в уединенных, закрытых местах – это своеобразная валюта.

Я купила огромный пакет фруктовых чипсов – причем обработанных по особой технологии, с сохранением всех полезных веществ. Потом нашла такие же мегапакеты семечек, орехов, сухофруктов. Их даже по моей просьбе переупаковали в вакуумные короба, чтобы влезло больше и объем моего багажа не поражал воображение.

Потом, конечно, были кофе, шоколад и – хитрость. Листовой табак. Он, вообще-то, нужен мне для работы в лаборатории и в таком виде идет не как сигареты, а как лабора-

торное пособие, поэтому я взяла огромный брикет и пачку папиросной бумаги. Пилоты обычно не курят, а вот механики, техники и лаборанты – очень даже.

После всего этого я помчалась в магазин женского белья, и Максимус нашел меня там, когда настало время идти на ужин. Осмотрев гору отложенных мной изящных вещичек, он как-то так хмыкнул, что я поняла – только что я невольно укрепила его решение лететь со мной. Он ведь думает, что я не знаю!

На ужин мы отправились к родителям Макса, и за столом я заметила серьезный и строгий взгляд его отца на нас. Фелиция, как всегда, была мила, гостеприимна и говорлива, смягчая некоторое напряжение, витавшее в воздухе. Уже перед десертом свекор неловко спросил меня:

– Агата, может, все же отложишь свою науку и родишь нам внука?

– Капитан, – укоризненно сказала я, – вы же знаете, что честь работать на станции «Эдельвейс» выпадает не каждому! Вы бы отказались от стажировки на туристическом суперлайнере? Или на боевом истребителе?

Капитан Теофраст потупился, а Фелиция поспешила поставить перед ним кусок пирога, отвлекая его от разговора. Однако я поймала взгляд Максимуса на отца – похоже, капитан Теофраст не хотел, чтобы сын бросал стажировку на круизнике, а Макс хотел лететь за мной, несмотря ни на что.

Глава 5

День отлета был волнительным. Максимус в нарядной летной форме нежно целовал меня у трапа. Сам проследил, чтобы мой багаж подняли на борт. Вручил традиционный подарок для уезжающих надолго – коробочку кислых леденцов с моими любимыми вкусами и нашу фотографию в маленьком изящном медальоне.

Фотографии я особенно удивилась – обычно мужчины не столь романтичны. Потом, разглядев на коробочке значок известной ювелирной фирмы, я заподозрила в этом жесте внимательный взгляд Фелиции Теофраст. Моя свекровь дама практичная, но при этом признает значение романтических жестов, семейных традиций и милых сюрпризов.

Макс сам застегнул цепочку на моей шее, еще раз поцеловал и, махнув рукой, удалился. Я тихонечко фыркнула и двинулась к трапу. Интересно, когда он собирается мне сообщить, что летит на «Эдельвейс» тем же рейсом?

Каюта мне досталась роскошная. В другие я не заглядывала, но оценила и дополнительное пространство, и широкую постель, и собственный санузел с замкнутым циклом циркуляции воды – мыться можно было сколько угодно, вода тут же очищалась и возвращалась в систему.

Чтобы не сидеть, не ждать, когда муж изволит появиться, я вместе с другими пассажирами прошла на обзорную

палубу, чтобы полюбоваться взлетом. Засмотрелась, остановилась, очарованная крупными бархатными звездами, висящими в чернильной пустоте, и вздрогнула, когда на плечи легли знакомые руки.

Мы стояли молча. Максимус был напряжен, видимо, его мать не стала делиться с ним новостью о том, что я все знаю. А я вдруг поняла, что мне бы очень сильно не хватало моего мужа в этой поездке.

На Земле меня успешно отвлекала ежедневная научная деятельность, встречи с подругами и родителями, привычная круговерть жизни. А тут в космосе я ощутила себя песчинкой среди звезд, и внезапно грядущие полгода показались длинным тоскливым временем без... тепла.

Кажется, теперь я еще яснее поняла Фелицию. Как мужчины выдерживают долгие вахты без любимых рядом? Неужели спят с пассажирками, как мне ядовито шептала одна бывшая «подруга»? А военные корабли? Макс проходил практику на круизном лайнере, а вот его отец был военным. Как мистер Теофраст и Фелиция выдерживали долгую разлуку?

– Ты не удивлена? – сказал Макс, когда все же развернул меня к себе.

– Но успела очень очень соскучиться, – ответила я, прижимаясь к нему. – Расскажешь?

– В этом рейсе я пассажир, – признался муж.

Я расплылась в широченной улыбке:

– Значит, мы на равных? На тебя не будут вешаться деви-

цы, с придыханием лепечущие: «О, пилот! Это та-а-аак интересно!»

– А вокруг тебя перестанут ходить ботаники, заглядывающие в декольте лабораторного халата, – хмыкнул в ответ муж.

Мы рассмеялись и отправились в каюту. Вот почему она была такой просторной – потому что предназначалась для двоих!

Мы отлично провели две недели пути. Много спали, читали, гуляли по палубам, пользуясь всеми удобствами большого пассажирского корабля, пусть и не «круизника». Кажется, этот полет сблизил нас еще больше, и я втайне начала думать о том, что после защиты кандидатской диссертации вполне могу выделить год или два на рождение ребенка. Все равно после получения научной степени мне придется год или два работать в Академии «на тверди», делясь результатами своих трудов. Так почему бы не совместить?

Правда, с Максом я своими планами пока не делилась. Впереди маячил «Эдельвейс», и я не хотела терять эту уникальную возможность.

Пассажирский корабль пришвартовался к перевалочной станции, мы с Максимусом сошли с него, перекусили в ресторанчике, прикупили мелочей и сели на маленький грузовичок, идущий до «Эдельвейса».

Тут условий не было никаких. Мы летели в четырехместной каюте с узкими койками, которые на день прижимались

к стене, чтобы создать впечатление свободного пространства. Душ был один и только ионный. Я порадовалась тому, что по привычке прихватила в ручную кладь спрей для очищения рук и большую пачку влажных салфеток. А еще радовалась тому, что цикл немного сбился, и мне не пригодились другие гигиенические запасы.

В целом мы неплохо провели эти три с половиной дня – спали, читали, смотрели фильмы на наших коммах. Еще познакомились с парой техников и лаборантом, которые летели на «Эдельвейс», чтобы сменить отбывающих в отпуск.

Кормили на грузовичке в основном пайками, но мы с Максом держались стойко – он к такой еде привык, а я твердо сказала себе, что буду воспринимать все это как экзотику.

Наконец на четвертый день по коридорам и каютам разнесся сигнал:

– Всем лечь в койки и пристегнуть ремни! Стыковка!

Глава 6

Грузы на станции ждали срочно, поэтому пассажиров выпустили через длинную пластиковую трубу, похожую на кишку. Максимус шел рядом и объяснял мне, что в стыковочном шлюзе температура слишком низкая. Грузы переносят роботы, способные выходить в космос, а люди...

Мы бегом бежали по трубе, чтобы ноги не примерзали к серому пластику. Когда же наконец вывалились в ярко освещенное, теплое помещение, я стучала зубами, кутаясь в пиджак, и готова была убить за чашку горячего кофе!

Нас встречали. Техники и лаборант уже бывали на станции «Эдельвейс», поэтому они сразу двинулись вперед, обмениваясь с кем-то приветствиями и рукопожатиями. Макса одним взглядом подозвал к себе мужчина в форме капитана. А я... я осталась стоять одна и очень растерялась – в обозримом пространстве не было ни одной женщины!

Меня трясло от холода и волнения, хотелось сесть, а лучше лечь, да еще совершенно некстати потянуло низ живота, предупреждая о приближении неприятных для женщины дней. Я готова была заплакать, но вдруг на мои плечи легло что-то тяжелое и очень теплое.

– Я беру на себя ответственность за эту женщину, – прозвучало над ухом, и только легкий незнакомый акцент царапнул слух.

Все разом обернулись ко мне, хотя до этого меня не замечали. Я осторожно подняла голову и застыла. Рядом стоял мужчина. Высокий – выше меня на две головы, я ему даже до плеча не доставала! Светлые волосы, зеленоватого оттенка комбинезон с нашивками, приятное лицо и... абсолютно нечеловеческие глаза! Яркие голубые зрачки, словно подсвеченные изнутри диодным фонариком, пугали и пленяли.

Первым вытаращился мужчина в форме, потом все остальные. Этот же мужчина попытался что-то сказать:

– Э-э-э-э, кэнн Агродан, вы не можете взять ответственность за эту женщину. Она уже замужем!

– Ее мужчина плохо заботится о ней. Я в своем праве! – решительно заявил незнакомец, и я испуганно посмотрела на Макса.

Тот выглядел... шокированным. А у меня не было сил на разборки. Мне стало тепло, сонно и устало. Я подошла к мужчине в форме и представилась:

– Агата Сапега, аспирант. Кому я могу предъявить документы и разрешение на работу в лаборатории?

– Синклер Роу! Капитан станции «Эдельвейс». Начальник лабораторного корпуса Жеар Агродан стоит у вас за спиной.

Я медленно повернулась и подняла голову, чтобы убедиться – вот этот здоровенный инопланетянин, накинувший мне на плечи свой мундир, и есть мой начальник? Вот уж... ситуация! А еще все вокруг таращатся на меня, словно у меня выросла вторая голова!

– Агата Сапега, аспирант! – вновь представилась я.

– Жериарэн Агродэриэн Аллонэ Иттэ! – ответил он.

– Простите, как я могу к вам обращаться? – свое изумление я не слишком ловко прикрыла вежливостью.

– Аллон Иттэ, – ответил мой начальник.

Я невольно перевела взгляд на капитана – он совершенно точно называл этого инопланетянина иначе!

– Кэн Агродан, – несколько удивленно сказал капитан, – вы даете этой женщине право называть себя *личным* именем?

– Я беру на себя ответственность за эту женщину! – повторил инопланетянин и тут же куда-то меня повел.

На меня все смотрели, как на трехголовую горгону с Цимбаруса. Макс хотел кинуться следом, но капитан что-то рявкнул – я уже не слышала. Мне стало тепло, конечности закололо, в ушах зашумело, и пол вдруг попытался ударить меня в лицо!

Очнулась я в незнакомом месте. Здесь было тепло, уютно, вкусно пахло, и открывать глаза не хотелось. Поэтому я свернулась клубочком и сладко плавала в ощущениях, прислушиваясь к голосам поблизости. Один из них точно принадлежал Максиму, а второй... кажется, я его слышала раньше, но не помнила где.

– Я ее муж! – горячился благоверный.

– Вы плохо заботились о своей женщине, – спокойно отвечал ему голос.

– Нас не предупредили, что в переходе будет настолько холодно!

– Ваша форма приспособлена к таким условиям. Вы не страдали. Ваша женщина получила переохлаждение организма, ее симбионт впал в спячку, а вы не позаботились о ней, когда кэнна Агата нуждалась в вашей помощи. Теперь кэнна под моим присмотром.

– Я не понимаю, – наконец сдался Макс, – почему вы не пускаете меня к жене?

– Кэнне нужен отдых, – невозмутимо отвечали ему.

– Хорошо, скажите мне, когда я могу навестить свою жену, – постарался отзеркалить тон и стиль речи незнакомца мой пилот. – Я волнуюсь за нее и пошел на многое, чтобы быть рядом с ней в этой поездке.

– Как только кэнне станет лучше, я вам сообщу, – слегка смягчился голос, и, судя по звукам, Максимус ушел.

Я еще какое-то время плавала в уюте и, наверное, даже уснула, пока не услышала шорох совсем рядом. Вздрогнула и проснулась.

– Простите, что разбудил, кэнна, – рядом со мной стоял тот самый инопланетянин... забыла, как он представился. – Вам нужно принять лекарства, посетить уборную и еще поспать.

– Лекарства? Я не больна...

Я не успела договорить, как меня скрутило тяжелым кашлем, а после еще и живот стрельнул тупой болью, сооб-

щая, что стресс и холод сделали свое дело – женские дни пришли раньше срока, и мне действительно нужно...

Инопланетник с голубыми глазами помог подняться, влил кислое лекарство, и дышать стало легче. Потом помог встать и проводил до санблока. К моему удивлению, на длинной подставке раковины лежало несколько видов средств для критических дней. От привычных земных до каких-то экзотических и непонятных.

Рядом лежали стандартные космические упаковки – халат, полотенце, мыло, шампунь, зубная паста, щетка... Такие наборы выдают пассажирам практически на всех кораблях – меняются только стоимость и цвет. Здесь все было белое и даже на вид дорогое.

Шатаясь, я ухватилась за раковину, и за спиной зазвучал ровный голос:

– Кэнна, с вами все в порядке? Если у вас нет сил, я помогу вам...

– Нет! Не надо! Все хорошо! – испуганно отозвалась я, представляя, как этот безупречный мужчина зайдет сюда, и покраснела.

– Я постарался собрать все, что вам может понадобиться, кэнна Агата, – тем же тоном взрослого, говорящего с больным ребенком, сказал инопланетянин. – Если вам понадобится что-то еще – скажите.

– Хорошо, – выдавила я из больного горла и поскорее включила воду. Мне было так плохо, что по лицу катились

слезы от боли.

Глава 7

Голубоглазый инопланетянин действительно предусмотрел все. В наборе нашлись даже крем для рук, крем для лица, расческа и резинки для волос. Вымывшись и воспользовавшись всем, что для меня приготовили, я заплела слабую косу и, пошатываясь, вышла в комнату.

Зря я считала, что нахожусь в медотсеке. Это явно была чья-то каюта. Вернее, жилая секция. Спальная ниша с плотными шторами и мягкой подсветкой у изголовья. Зона с рабочим столом и мощным коммом. Кофейный столик и пара кресел. Отдельный угол для релаксации – стена-проектор с изображением водопада, полочка с непонятными для меня штучками, плетеный из натуральных волокон коврик.

Довольно большое пространство, удобно устроенное для одного человека.

Мой непосредственный начальник сидел в кресле и что-то читал, но, услышав мои шаги, вскочил, отложив планшет, подхватил меня под руку и усадил в кресло:

– Кэнна Агата, вам нужно поесть. Я изучил информацию о принятых у вас блюдах и попросил помощи на кухне. Прошу.

На столе стояли два подноса, накрытых крышками. Мужчина снял крышку с одного из них, и я с интересом принялась рассматривать необычно накрытый обед.

На кораблях и станциях пользуются стандартными на-

борами пластокерамической посуды. Обычно это одноцветные наборы с напечатанным названием корабля или станции. Стараясь придать простой штамповке лоск, производители научились варить пластокерамику любых цветов радуги и делали упор на сложных цветах, давая им красивые названия: «бургунди», «красный апельсин», «ночная морская волна». Так что выглядела такая посуда вполне приятно, хотя изящностью или изысканностью не отличалась.

Макс однажды проболтался мне, что на занятиях по самообороне их учили разбивать тарелки пополам, чтобы использовать прочные осколки как оружие и инструменты. Здесь же посуда была... изящной. Крохотные, невесомые чашечки, хрупкие на вид блюдечки, супница, похожая на красивый дом необычной формы, стоящий на холме.

И все это явно было изготовлено не из пластокерамики. Больше походило на фарфор.

Между тем инопланетянин открыл супницу и налил мне в чашку суп. Прозрачный, нежирный бульон он сдобрил свежей зеленью, вареным яйцом и каким-то соусом.

– Прошу, кэнна, попробуйте! Наш повар уверяет, что этот суп очень помогает от простуды!

Бульон оказался очень вкусным. У меня согрелось горло, прибавилось сил и наконец появилось много вопросов. Но стоило открыть рот, как передо мной появилась мисочка с кашей, тарелочка с кусочками чего-то мясного и сразу три крохотных чашечки с соусами.

– А вы почему не едите? – спросила я.

– Должен убедиться, что вы сыты, – просто ответил мужчина.

– Присоединяйтесь, я не смогу есть, если вы голодны.

Тогда мужчина снял колпак со второго подноса и принялся за свою еду. Его подача была более скромной, а блюда выглядели не такими аппетитным, что меня удивило.

– Вы не можете есть земную еду? – удивилась я.

– На моей родной планете готовят иначе. Я постарался адаптироваться к пайкам, чтобы не доставлять сложностей работникам станции, но по возможности нам доставляют еду с родной планеты. Если вас это не оскорбит, я поем.

Я обрадовалась началу разговора, уверила кэна Агродана, что не возражаю против его трапезы, и он взялся за приборы. Мне показалось, что его еда немного похожа на то, что подают в японских ресторанах – много зелени, разных соусов, побегов, кусочков. Все пахло очень приятно, и есть надо было руками или маленькой ложкой.

Дав мужчине насытиться, я понемногу выяснила, что мой начальник действительно инопланетянин. О его планете я никогда не слышала, потому что она находилась в закрытом секторе галактики. Причины закрытости не объяснялись, но обитаемый мир и так был невероятно широк, так что обычный землянин просто знал, что где-то там существуют закрытые миры.

– Но как вы попали сюда?

– Проект «Эдельвейс» совместный, – спокойно объяснил мне мужчина. – Мы согласились привлечь к нему землян, потому что сами не сумели найти решение некоторых научных вопросов.

– Я рада, что смогу принять в нем участие, – устало улыбнулась я и прикрыла рукой зевок. Оживления от душа, горячей пищи и общения с новым человеком хватило ненадолго.

– Вам пора отдыхать, кэнна. Прошу, – мужчина указал на кровать.

Я покачала головой:

– Я прилетела на «Эдельвейс» с мужем. Нам должны были выделить семейную каюту. Спасибо вам за помощь и ужин, но теперь я должна вернуться к Максимуму.

– У земных супругов принято спать вместе? – сдержанно осведомился Аллон Иттэ.

– Да, – кивнула я, борясь с зевотой. В последний бокал инопланетянин налил мне хорошую порцию универсального средства от простуды, и теперь спать хотелось неудержимо.

– Я узнаю, готовы ли ваши общие покои, – слегка нахмурилась, сказал инопланетянин и подошел к пульту.

На экране тотчас появился молодой человек с короткой стрижкой и такими же яркими глазами:

– Кэнн Агродан, вам нужна помощь?

– Готовы ли комнаты для кэнны Агаты и ее мужа? – спросил блондин.

Парень чем-то пощелкал и покачал головой:

– На станции не были предусмотрены парные секции для состоящих в брачном союзе. Сообщение о супругах пришло слишком поздно. Капитан предложил переделать секцию для двух техников в семейное гнездо, но кэнн Лиарданн заявил, что жизненного пространства там слишком мало, и зона слишком опасна для размещения кэнны.

– Значит, кэнна остается у меня, – с ноткой удовлетворения в голосе сказал Агродан. – Надеюсь, кэнн Максимус устроен с удобством?

– Да, кэнн! – заверил его голубоглазый и отключился.

– Как видите, кэнна Агата, вам некуда идти. Приготовление ваших семейных комнат займет некоторое время.

– Но я неловко себя чувствую, потеснив вас, – пробормотала я, ощущая, что готова уснуть в кресле.

– Вы меня не стесните, – загадочным тоном сказал мужчина, и я испугалась. Почему-то показалось, что он доволен тем, что я останусь тут и... – Вы можете располагать моим жилым пространством. Через двадцать две минуты у меня начинается смена в лаборатории.

– А...

– Вам нужно отдыхать. Всем работникам станции предоставляется около трех суток на акклиматизацию и устройство личных дел.

Сказав это, Агродан ушел в санблок, и я воспользовалась моментом – вернулась в постель. Через несколько минут с шипением открылась и закрылась дверь, свет погас, и только

тонкие линии безопасности мягко сияли, обрисовывая контур помещения и направление эвакуации.

Глава 8

Синклер Роу, капитан станции «Эдельвейс», сидел в малой кают-компании, которую на станции называли «капитанской», и наливал виски в бокал нового пилота. Тот поначалу отказывался, но капитан на него шикнул:

– Три дня на адаптацию! А если ты сейчас не выпьешь, ничего не поймешь!

– Что я должен понимать? – сверкал глазами Максимус Теофраст. – Этот ваш глава лаборатории утащил куда-то мою жену!

– Цыц! Пей! – Синклер проследил, чтобы птенец опустошил бокал, и придвинул к нему блюдце с орешками. – А теперь слушай. Я твое дело заранее посмотрел. Удивился, конечно. Думал, опять штрафника прислали, но нет, залеты у тебя мелкие, да и те во время учебы.

Макс фыркнул. Он пилот из династии пилотов. То, что капитан Роу назвал «залетами», было скорее молодецкой удачей да желанием как-то выделиться среди других пилотов. Ничего серьезного. И ни один «залет» не касался профессиональной деятельности. Так – выпили и пошалили, не более.

– Тогда возник вопрос – нахрена золотой мальчик списался с рейса «Адмирала Чичагова» и примчался в нашу дыру пилотировать кусок железа, висящий на орбите?

Пилот нахмурился.

– Личного дела твоей жены у меня не было. Эти умники, – капитан ткнул вверх, – решили разделить обязанности. Я капитан, мне подчиняются пилоты, техники, жизнеобеспечение. А кэнн Агродан – глава лабораторных червей, ради которых все мы тут сидим. Секретность высочайшая. Поэтому личные дела умников я не вижу. Я даже некоторых по именам не знаю!

– Но тогда почему нас допустили до работы? – насторожился Макс.

– А потому, – прищурился капитан, – что вас прислали разные ведомства! Твою малышку – умники! А тебя – отдел госбезопасности!

– Госбезопасности? – Максимус моргнул, начиная понимать.

– А ты думаешь, «Эдельвейс» простая лаборатория, висящая в космосе? – хмыкнул капитан и налил пилоту еще один бокал, а себе плеснул пару глотков в кофе.

– Значит, мы с Агатой прибыли как отдельные единицы, – нахмурился парень.

– Еще и фамилии у вас разные, – поддел Роу.

– Эгги не хотела, чтобы ее успех в науке связывали с моей семьей, – отмахнулся Теофраст. Он сам когда-то нахлебался в летной школе и не хотел подставлять жену, потому и согласился на разные фамилии. – Но это не отменяет нашего союза. Почему этот Агродан утащил мою жену?

– А теперь выслушай кое-что и забудь... – вздохнул Роу.

Не хотелось ему говорить слишком много, но... мальчишка горячий, не успокоится, а приказ с Земли пришел совершенно четкий. – Станция «Эдельвейс» создана для того, чтобы решить проблему расы ишингов. Проблему размножения этой расы.

– Размножения? При чем тут моя жена?

– При том. Ты вообще тему ее диссертации знаешь?

Максимус нахмурился. Вообще, Агата что-то говорила, но при этом они лежали в постели, так что ее тело привлекало его больше слов.

Капитан вздохнул – мальчишка!

– Твоя жена добилась определенных успехов, увеличивая фертильность многоклеточных организмов. Я в этом ничерта не понимаю, но именно это было написано в сообщении с Земли. По сути, люди тоже многоклеточные организмы. Как и ишинги. Поэтому ее пригласили сюда, выделили лабораторию и прочее. На данный момент Агата Сапега третья по важности персоне при эвакуации. Но если то, что я думаю, правда – она очень быстро станет первой.

– Первой?

– Читай! А потом забудь, – капитан бросил на стол небольшую брошюру и разлил виски в третий раз.

Пилот вцепился в тетрадочку и быстро прочитал заголовок: «Особенности строения, поведения и социального устройства расы ишингов».

– Пособие для спецагентов. Тираж всего две сотни экзем-

пляров. В этой книжонке собрано все, что земляне знают об ишингах.

– Чем они так важны? – Максимус не был ученым или исследователем, поэтому не спешил нагружать голову информацией. Зато он был пилотом и сыном капитана, поэтому прекрасно знал, сколько стоит космическая станция. Если Земля построила такое ради сохранения какой-то расы, значит, раса очень полезна Земле.

– Ха, правильный вопрос! Не ожидал! – капитан поднял свой бокал и сделал глоток. – Если коротко, они владеют секретом превращения пустыни в оазис!

– Что? – поперхнулся пилот.

– Никто не знает, как они это делают. В их религии это называется «пробуждением мира». Причем самое интересное, что пустыня может быть любая – хоть после ядерной зимы! Даже океан способны очистить от всякой гадости и наполнить жизнью! Не сразу, конечно, но ты зацени объем возможностей!

Максимус идиотом не был. Знал, что на Земле в свое время было много проблем и с растущими пустынями, и с грязными морями... Да и сейчас, при наличии почти сотни колоний, Земля остается колыбелью человечества, и на ней постоянно осуществляются экологические проекты, оберегающие хрупкий зеленый мир.

– Говорят, когда их нашли, их осталось меньше пяти тысяч, – продолжил капитан. – Наши ученые предлагали про-

сто подождать пару столетий, а потом забрать себе пустую планету, но их главный неожиданно вышел на связь и предложил помощь в очищении пустыющих планет, если мы поможем им с рождением детей.

– Рождением детей? У них что... женщин нет?

– Все у них есть! – отмахнулся капитан. – Женщин мало-вато, конечно, но наши умники выстроили свои графики, доказали, что в принципе восстановление популяции возможно, но... не получается!

– А станция тогда зачем? – не понял Макс. – Если своя планета есть?

– Во-первых – секретность. Стоит кому-то увидеть, как толпа умников чешет в закрытую на карантин зону космоса, как всем станет очень интересно, что мы здесь нашли, – капитан сделал паузу и многозначительно посмотрел на пилота. Тот понятливо кивнул и потянулся за орешками – от виски в голове приятно шумело, и пережить «похищение» Агаты стало легче.

– Во-вторых, ишинги запрещают посадку кораблей любого класса на свою планету. Малые атмосферные катера еще позволяют на какой-то остров сажать, а все остальное – нельзя.

Макс приподнял бровь. Пять тысяч аборигенов что-то разрешают или запрещают человечеству?

– Поверь, они могут защитить свою планету! Если бы не нужда во внешней помощи, мы бы про них никогда не узна-

ЛИ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.